Российская академия наук
Институт археологии

ТРУДЫ

II (XVIII)

ВСЕРОССИЙСКОГО АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО СЪЕЗДА

в Суздале

Том II

Ответственные редакторы
Академик *А.П. Деревянко*
Член-корреспондент РАН *Н.А. Макаров*

ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ РАН

Москва 2008

длительными контактами населения южной тайги и саргатскими общинами. Не исключалась также и зависимость неопределенного характера от саргатского населения. В пользу этого предположения свидетельствует, кроме этого, практическое отсутствие однослойных кашинских (прыговских) памятников. Исключение, пожалуй, составляет, городище Старый Погост, где слой с кашинской керамикой залегает практически без примесей, поскольку был сформирован после оставления памятника саргатским и кулайским населением (Могильников, 2001. С. 115).

В 2007 автором проведены раскопки на поселении Муллашинские Юрты 7, где исследованы жилища саргатской и кашинской культур (рис. 1). Анализ распределения керамики показал, что представители этих культур мирно жили рядом на поселении долгое время, сохраняя при этом свои традиции как в домостроении, так и в гончарном производстве (рис. 2). Можно предположить несколько вариантов взаимодействия разнокультурных коллективов: разделение труда, торговля и обмен, не исключено сочетание двух экзогамных родов в качестве взаимобрачного объединения.

Дополнив эти сведения результатами исследований материалов Рафайловского комплекса (Чикунова, 2005; 2006), Коловского городища и других памятников Зауралья можно сделать предварительный вывод о достаточно высоких адаптивных способностях кашинского населения. Политические и социальные процессы, имевшие место в Зауралье в раннем железном веке, обуславливали возникновения различных вариантов социокультурной адаптации.

Викторова В.Д., 1969. Население эпохи железа лесной полосы Среднего Зауралья: Дисс.канд.ист.наук. Свердловск.

Викторова В.Д., Кернер В.Ф., 1988 Памятники эпохи железа у озера Осинового // Материальная культура древнего населения Урала и Западной Сибири. Свердловск.

Генинг В.Ф., Позднякова М.К., 1964. Прыговское городище на р. Исети // Вопросы археологии Урала. Вып. 6. Свердловск.

Матвеева Н.П., 1990. К вопросу об этнической интерпретации памятников кашинского типа // Проблемы исторической интерпретации археологических и этнографических источников Западной Сибири. Томск.

Матвеева Н.П., 1994. Ранний железный век Приишимья. Новосибирск.

Матвеева Н.П., 2000. Социально-экономические структуры населения Западной Сибири в раннем железном веке. Новосибирск.

Могильников В.А., 2001. Предметы бронзового литья с городища Старый Погост // Вестник археологии, антропологии и этнографии. № 3. Тюмень.

Чикунова И.Ю., 1999. О характере жилищ Рафайловского селища (по керамическому комплексу) // Экология древних и современных обществ. Тезисы докладов. Тюмень.

Чикунова И.Ю., 2000. Керамический комплекс кашинской культуры с Рафайловского селища // Проблемы взаимодействия человека и природной среды. Вып. 1. Тюмень.

Чикунова И.Ю., 2005. Итоги и проблемы изучения кашинской культуры // Вестник археологии, антропологии и этнографии. № 6. Тюмень.

Чикунова И.Ю., 2005. Отчет о полевых археологических исследованиях в Тюменском и Нижнетавдинском районах Тюменской области в 2004 г. Архив ЛА ИПОС СО РАН.

Чикунова И.Ю., 2006. Керамика кашинского типа в комплексах раннего железного века Зауралья // Современные проблемы археологии России. Материалы Всероссийского археологического съезда. Новосибирск.

Л.А. Чиндина

Томский государственный университет

Юго-Восточный фронтир в кулайское время*

60 лет назад вышла в свет статья А.П. Окладникова, посвящённая шаманским изображениям Восточной Сибири (Окладников, 1948). Исследователь, анализируя бронзовые антропоморфные личины южнотаёжной зоны огромного региона, выделил ангаро-ленский тип антропоморфов. Развивая идею А.А. Спицына о редкости и своеобразии подобных предметов изобразительной деятельности, он на более основательном материале представил историко-культурную интерпретацию хронологии (III–II вв. до н.э.), местного происхождении, ареала распространения, социальной и культурной семантики (на-

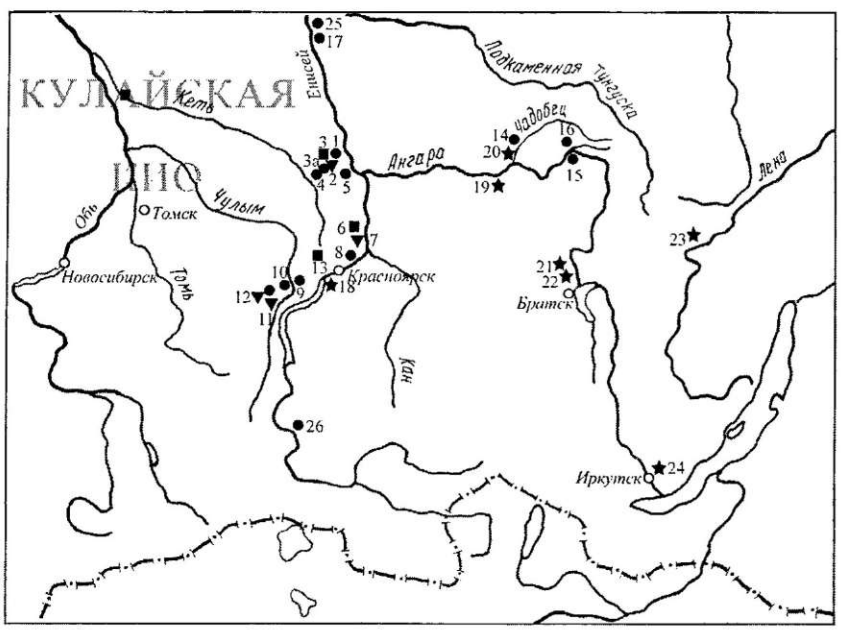
вершие родовых знамён, шаманский посох) ангароленских бронзовых личин.

Редкость распространения восточных личин наблюдается и теперь: за прошедшие со времени публикации годы, несмотря на обширные полевые исследования, случайно найдена пока одна личина, условно названная красноярской (точное место находки неизвестно: по музейному каталогу – район Красноярского водохранилища, Музей ИАЭТ СО РАН, № 56). Типологически личина имеет большое сходство с невонской с Ангары (Окладников, 1948. Рис. 1). Различия есть в оформлении глаз и рта (круглые, а не овальные) борода и усы (возможно, татуировка) идут по периметру круглого рта («кричащий», «поющий» воин). На красноярской личине изображён своеобразный рогатый, грибовидный шлем в виде перевёрнутой лодки. Новая находка ещё раз подчёркивает значимость рогатой символики ангаро-ленских изображений, известной и на костяных носителях цэпаньской культурны (Привалихин, 1993). Сама же изобразительная стилистика: высокий рельеф с элементами скульптурности – зарождается в лесом Приангарье в более раннее время на маскоидах шумилихинской культуры. Образ антропоморфа в рогатом и грибовидном уборе распространяется на многочисленных сибирских и монгольских писаницах (Горюнова, 2002; Дэвлет, 1998; Студзицкая, 1987). Справедливость выделения особого восточного типа подтверждается спецификой хорошо изученных сегодня и несравненно более многочисленных западносибирских кулайских антропоморфов (личин и полной фигуры) и их головных уборов (Чиндина, 1984; 1990).

Проблема границ кулайской культуры (КК) и кулайской культурно-исторической общности (ККИО) стоит очень остро. Занимая громадные территории в течение тысячелетия, она постоянно меняла свои границы. Эти изменения усиливали внешние миграции, ставшие почти постоянными в III в. до н.э. – II в. н.э. Они имели разные формы: относительно массовое поэтапное движение и незначительное экспедиционное или стихийное переселение небольших групп кулайцев в разных направлениях. Колонизация происходила насильственно или путём мирного освоения земель и сопровождалась, в зависимости от конкретной исторической ситуации, многообразными формами аккультурации собственной и аборигенной культур: от случайных, эпизодических контактов-соприкосновений до ассимиляции. Места поселения кулайцев прослеживаются по специфическому культовому литью, оружию, керамике, орнаментальному декору в целом (Чиндина, 1984; 2006).

Освоение кулайцами новых территорий напрямую связано с фактором фронтира (подвижная граница). Применительно к первобытной истории Сибири моё авторское понимание фронтира предусматривает подвижность границы в процессе переселений кулайцев, их культурного развития и взаимодействия с аборигенами на инокультурном пространстве.

О юго-восточной границе КК и ККИО известно

▼ - кулайская керамика
● - находки кулайских вещей и изображений
■ - рёлкинские антропо-зооморфные изображения
★ - ангаро-ленские изображения

1 – Малый Кас, находка
2 – городища Новый стан I-III (Обь-Енисейский канал)
3 – зооморфная бляха (Обь-Енисейский канал)
4 – Шайтанская II стоянка
5 – Новоалтаймовская находка
6 – Нижнепорожское I поселение
7 – Бобровка, поселение
8 – Атаманская находка
9 – Айдашинское культовое место
10 – Ишимское культовое место
11 – поселения Назаровской впадины
12 – Шестаковско-тисульский комплекс памятников
13 – сборы А.В. Яковлева (1885 г.)
14 – Чадобец (Рыбное), кулайские антропоморфная бляха и наконечник стрелы
15 – Усть-Ковинские кулайские погребения
16 – Дворцы (Кежминская находка)
17 – Подкаменские находки
18 – Красноярская личина
19 – Невонская находка
20 – Чадобец, личина
21 Илимская находка
22 – Нижнеилимская находка
23 – Киренская находка
24 – Иркутская находка
25 – Находки низовья Подкаменой Тунгуски
26 – Чекачевская бляшка

Рис. 1. Схема расположения кулайских, рёлкинских и ангаро-ленских находок на Среднем Енисее и Приангарье
Расположение № 13, 17, 18, 24 приблизительно, т.к. точных данных об условиях и месте находок нет.

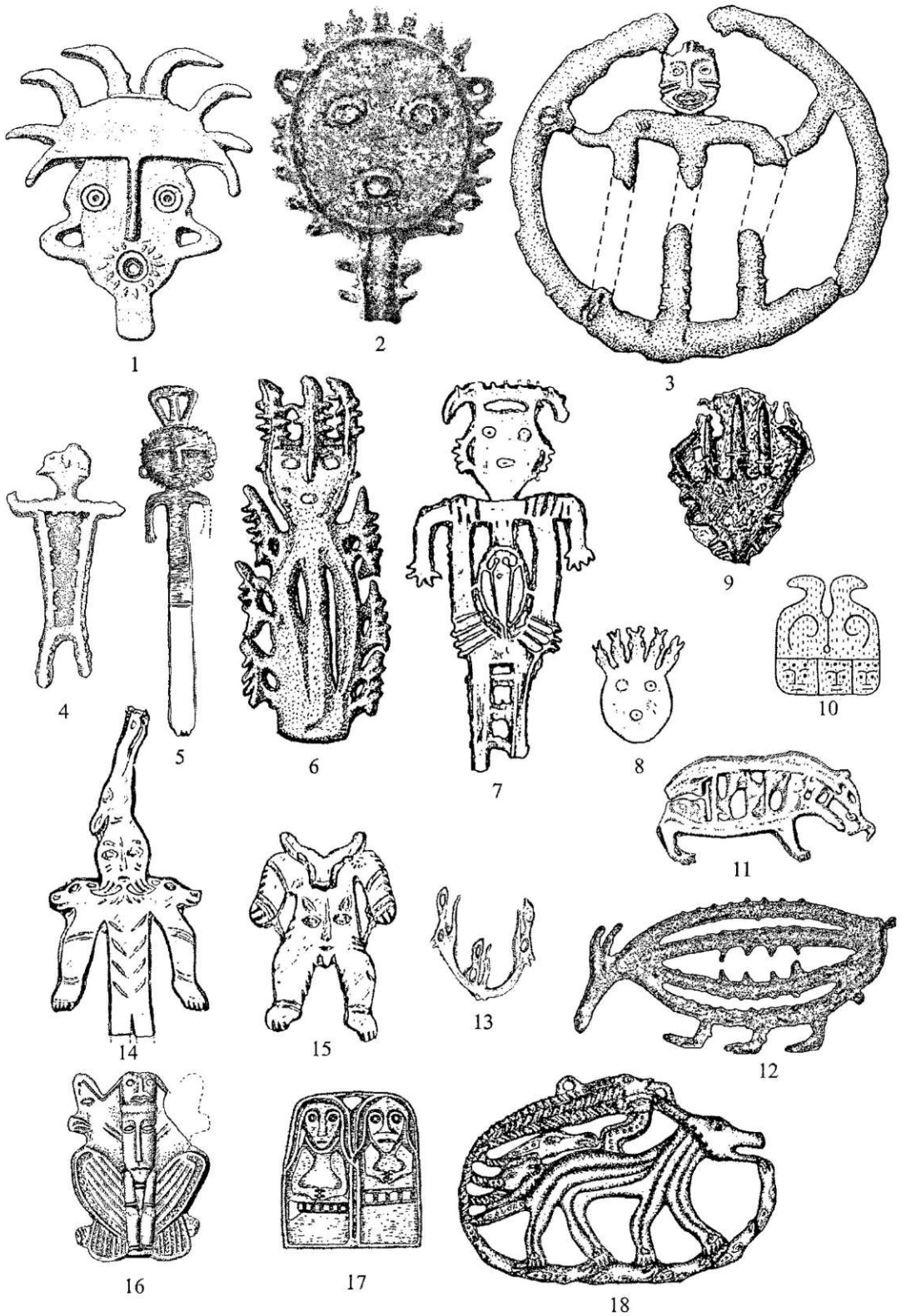

Рис. 2. Кулайские и рёлкинские изображения в бассейне Среднего Енисея. Внутренняя нумерация (в скобках) соответствует названиям и местам нахождения на схеме рис. 1. 1 (18) – Музей ИАЭТ; 2, 5 (2, 8) – по: Окладников, 1948; 3, 4 (15) – по: Леонтьев, Дроздов, 1991; 6 (17) – по: Гришин, 1985; 7, 8 (4) – по: Косарев, 1974; 9, 10 (5, 16) – по: Леонтьев, Дроздов, 1996; 11, 12 (25) – по: Макаров, Баташев, 2007; 13, 16 (10) – по: Ермолаев, 1914; 14, 15 (13) – по: Попова, 1993; 17 (22) – по: Мандрыка, 2003; 18 (3а) – по: Чиндина, 1991; Ожередов, 1997.

немного. Сегодня с накоплением материалов по таёжным культурам Среднего Енисея РЖВ, где проходили пограничные процессы с кулайцами, появился шанс несколько расширить эти знания. Изученность региона в пространстве и времени неравномерна, имеющиеся новые источники опубликованы недостаточно.

Кулайские памятники относительно репрезентативны в левобережной долине Среднего Енисея в водоразделе верховий рек Кети и Чулыма с их правыми притоками в местах, где в разной мере проводились археологические исследования или объёмные хозяйственные работы (зона строительства Обь-Енисейского канала). Самым представительным участком пока является излучина верхнего Чулыма, где сосредоточены Шестаковско-Тисульский комплекс кулайских поселений, погребений и культовых мест, и Назаровский комплекс поселений (рис. 1: 9–12; 2: 13). Хронология памятников васюганского и саровского типов варьируется в пределах X в. до н.э. – V в. н.э. (Сводка см.: Бобров, 1978; Красокутский, 2002; Циркин, 1976; Чиндина, 1972; 1984). В районе Кетско-Енисейского междуречья известны кулайские вещи (культовое литьё, оружие, керамика) из случайных сборов и поселений (рис. 1: 1–4, 2, 5–9) в разное время разными исследователями (Косарев, 1974; Чиндина, 1974; Ожередов, 1997; Окладников, 1948; Мандрыка, 2008).

В правобережье Среднего Енисея кулайские памятники и находки сегодня сосредоточены в двух местах. В низовье Подкаменной Тунгуски обнаружены зоо-антропоморфные изображения и наконечники стрел кулайского типа (рис. 1: 17, 25; 2: 6; Леонтьев, Дроздов, 1996; Макаров, Баташев, 2007). Другая группа артефактов концентрируется в Приангарье: Чадобец – Кежма (рис. 1: 14–16; 2: 3, 4, 8). Здесь известны орнито-антропоморфные бляшки, кулайские стрелы из погребений и случайных сборов. В погребениях Усть-Ковы вместе с кулайскими изображениями найдены каменные гарпуны и стрелы местных типов. В КК подобный каменный инвентарь уже неизвестен.

Прослеживая расположение кулайских находок можно сделать ряд важных выводов. 1. Кулайские объекты на рассмотренной территории не ограничиваются только случайными предметами. Кроме отдельных вещей, как правило, есть поселения, погребения и культовые места. 2. Кулайцы, судя по находкам, не выходят за пределы таежных зон или сосредоточиваются в лесных массивах с густой озерно-речной сетью. 3. Переселяясь на новые земли, кулайцы попадали в места с инокультурной средой, иногда касаясь её (тогда можно говорить о приграничье, «спорной» меже), иногда глубоко внедряясь в чуждую среду, имея слабую связь со своей культурой или теряя её вовсе. В южной части Среднего Енисея кулайцы селились вперемешку с тагарцами, используя подходящие экологические ниши. Контакты складывались стабильные строящиеся на товарном и культурном обмене, комплиментарных отношениях. Кулайцы прочно сохраняли свою культурную специфику. Тагарцы через своих соседей, возможно, с их помощью укрепляли обменные связи с кулайской метрополией, что отразилось в распространении жизненно важных вещей далеко на северо-запад от тагарской культуры. Проникновение кулайцев в Приангарье и Нижнеподкаменский районы проходило в более близких к ойкумене условиях и в среду с равными или менее высокими культурами (цэпаньская, нижнепорожская, шилкинская). Чаще всего кулайцы селились на незанятых землях (обычно в памятниках нет подстилающих или перекрывающих слоёв). Скорее всего в Приангарье миграции носили эпизодический, возможно, с экспедиционными целями. Оказавшись изолированными, они продолжали сохранять основные традиции своей культуры, но изменения в системе жизнеобеспечения принуждали их усваивать какие-то местные черты (например, отсутствие металла вело к замене бронзовых стрел каменными). В Нижнеподкаменском районе может обнаружиться более регулярное поселение и стремление закрепиться в удобных угодьях. Но для этого необходимы более обширные опубликованные материалы и прежде всего в комплексе с керамикой.

Судьбу потомков кулайцев на занятых восточных территориях в последующее время предстоит ещё изучать. Сегодня можно сказать пока одно: рёлкинцы, сменившие в раннее средневековье кулайцев в метрополии, неизвестны в правобережье Енисея. Их памятники проходят по левобережному водоразделу (рис. 1: 3, 6, 13; 2: 14–18). Но на Среднем Енисее в лесных и лесостепных районах продолжали жить потомки культур раннего железного века – носители валиковой керамики, часть которых в VI–VII вв. начала движение в обратном направлении – на запад, в Приобье.

* Статья подготовлена при поддержке гранта РГНФ, проект № 07–01–00103а.

Бобров В.В., 1978. Кулайские элементы в тагарской культуре // Ранний железный век Западной Сибири. Томск.

Гришин Ю.С., 1985. О некоторых медно-бронзовых изделиям эпохи бронзы и раннего железа со Среднего Енисея // КСИА. Вып. 84. М.

Дэвлет М.А., 1998. Петроглифы на дне Саянского моря. М.

Ермолаев А.П., 1914. Ишимская коллекция. Описание коллекций красноярского музея. Красноярск.

Косарев М.Ф., 1974. Древние культуры Томско-Нарымского Приобья. М.

Леонтьев В.П., Дроздов Н.И., 1991. Уникальная находка на стоянке Усть-Кова // Проблемы археологии и этнографии Сибири и Дальнего Востока. Т. 3. Красноярск.

Леонтьев В.П., Дроздов Н.И., 1996. Неизвестные находки бронзовых изделий кулайского облика в таёжной зоне Средней Сибири // Новейшие археологические и этнографические открытия в Сибири. Новосибирск.

Макаров Н.П., Баташев М.С., 2007. История и культура народов Приенисейского края. Красноярск.

Мандрыка П.В. Подвеска с антропоморфными изображениями из ритуального захоронения на Енисее // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири. Барнаул, 2003.

Мандрыка П.В.,2008. К вопросу о выделении новой культуры бронзового века в тайге Приенисейской Сибири // Время и культура в археолого-этнографических исследованиях древних и современных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий: проблемы интерпретации и реконструкции. Томск.

Мандрыка П.В., 2008. Комплексы раннего железного века Енисейского Приангарья // Время и культура в археолого-этнографических исследованиях древних и современных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий: проблемы интерпретации и реконструкции. Томск.

Мягков И.М., 1929. Древности Нарымского края // Труды Томского краевого музея. Т. II. Томск.

Ожередов Ю.И., 1997. Тысячелетие Обь-Еисейского пути // Земля верхнекетская. Томск.

Окладников А.П., 1948. Древние шамаские изображения из Восточой Сибири // СА. Х. М.; Л.

Попова Т.А., 1993. Комплекс бронзового культового литья Западной Сибири (по материалам МАЭ) // Культурогенетические процессы в Западной Сибири. Томск.

Привалихин В.И., 1993. Ранний железный век Северного Приангарья (цэпаньская культура). / Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Кемерово.

Студзицкая С.В., 1987. Искусство Дальнего Востока в эпоху бронзы // Археология СССР. Эпоха бронзы лесной полосы СССР. М.

Циркин А.В., 1976. Утинское поселение по раскопкам 1970 – 1975 гг. // Южная Сибирь в скифо-саматскую эпоху. Кемерово.

Чиндина Л.А., 1984. Древняя история Среднего Приобья в эпоху железа. Кулайская культура. Томск.

Чиндина Л.А., 1991. История Среднего Приобья в эпоху раннего средневековья. (рёлкинская культура). Томск.